

Кофанов Иван Тихонович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН. В течение ряда лет работал торговым советником Посольства России в Тунисе.

И.Т. Кофанов

ТУНИС: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

И.Т. Кофанов ТУНИС: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

ISBN 978-5-91298-259-0

9 785912 982590

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ответственный редактор

к.э.н. А.А. Ткаченко

Рецензенты

д.э.н. В.Д. Рожков, к.э.н. Е.Н. Корендясов

И.Т. Кофанов

ТУНИС: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Москва

ИАфр РАН

2020

Кофанов И.Т. Тунис: время перемен. – М.: Институт Африки РАН, 2020. – 148 с.

В монографии рассматривается широкий круг вопросов социально-экономического развития Туниса. Большое внимание уделяется особенностям страны, которые предопределили роль Туниса в качестве первопроходца «арабской весны» и относительную успешность ее итогов. Эти особенности в немалой степени связаны с историей страны, от Карфагена до наших дней. Это и способность добиваться известной самостоятельности в условиях внешнего управления (в рамках арабского Халифата, Османской империи, французского протектората), решать большинство вопросов на основе компромисса, учиться и воспринимать новое.

Анализируется особая роль профсоюзов и армии, которые существенно отличаются от подобных институтов в других арабских странах. Дается характеристика ислама и его течений, в том числе радикальных, в Тунисе. Рассматривается соотношение демократии и экономики на примере Туниса, причем этот анализ затрагивает глобальные проблемы становления нового технологического уклада, современных тенденций развития мировой экономики, а также такие философские вопросы, как характер современного этапа человеческой цивилизации и изменения природы человека.

В целом работа носит междисциплинарный характер и может быть предназначена для широкого круга читателей – работников научных и практических организаций международного профиля, преподавателей и студентов.

ISBN 978-5-91298-259-0

© Институт Африки РАН, 2020

© Кофанов И. Т., 2020

© Абишева Г.М., оформление, 2020

*Без моей семьи, которая
является группой поддержки,
эта работа не состоялась бы*

Каждый должен что-то оставить после себя:
сына, книгу или картину, выстроенный тобой дом
или хотя бы возведенную из кирпича стену,
или сшитую тобой пару башмаков,
или сад, посаженный твоими руками.
Что-то, чего при жизни касались твои пальцы,
в чем после смерти найдет прибежище твоя душа.
Люди будут смотреть на возвращенное тобой дерево
или цветок, и в эту минуту ты будешь жив...

Рэй Брэдбери

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	21
1.1. О демократии в Тунисе	22
1.2. Протестные движения и движущие силы	38
1.3. Роль социальных сетей в «Жасминовой революции»	45
Глава 2. ТУНИССКИЕ ОСОБЕННОСТИ	63
2.1. Исторический экскурс	64
2.2. Профсоюзы и гражданское общество.....	75
2.3. Армия вне политики	81
2.4. Ислам в Тунисе	87
Глава 3. «АРАБСКАЯ ВЕСНА» В ТУНИСЕ	101
3.1. Исчерпание тунисской модели развития	101
3.2. Мировой финансово-экономический кризис и его влияние	116
3.3. В поисках новой модели развития	120
Заключение	136
Summary	140
Список литературы	141

ВВЕДЕНИЕ

Автор в 2003-2012 гг. находился в служебной командировке в Тунисе. По роду деятельности была возможность встречаться и общаться со многими представителями руководства страны, политиками, общественными деятелями, бизнесменами, побывать практически во всех регионах страны, посещать промышленные предприятия, банки, туристические агентства, научные и учебные заведения. Почти 10 лет пребывания в стране, совпавшие с событиями исторической значимости, позволили увидеть три разные страны: внешне стабильный, спокойный Тунис, затем митингующий, и, наконец, размышляющий.

Предреволюционный Тунис представлял собой президентскую республику с многопартийной политической системой. Несмотря на наличие множества условно оппозиционных партий, реально управление осуществлялось через единственную партию – Демократическое Конституционное Собрание (ДКС). Зачастую на президентских выборах такие оппозиционные силы, выставляя своего кандидата, одновременно призывали голосовать за Зина аль-Абидина Бен Али.

Основу экономики страны составляли обрабатывающая промышленность (производство текстиля, одежды, электротехники), в основном ориентированная на экспорт, сельское хозяйство, главным образом производство оливкового масла, и туризм, рассчитанный на массового потребителя. В условиях относительной стабильности мировой экономики, прежде всего рынка европейских стран, такая экономическая модель демонстрировала устойчивый рост (в среднегодовом исчислении около 5% за 20 лет, до начала мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг.)

В социальной сфере действовал неписанный «социальный контракт» – мы, государство, гарантируем безопасность и минимально необходимый уровень социального обеспечения, вы, население, не вмешиваетесь в государственные дела. Казалось, большинство населения это вполне устраивало.

Мировой кризис 2008-2009 годов показал исчерпанность тунисской экспортоориентированной модели развития. Если на начальных этапах

она обеспечивала достаточно высокие темпы экономического роста, то в дальнейшем стала все больше давать сбой. Ухудшение внешних условий хозяйствования, сокращение спроса на тунисские товары, конкуренция со стороны азиатских производителей замедлили темпы экономического роста. Кроме того, диспропорции в структуре экспорта (высокоэластичного по цене, легко заменяемого) и импорта (низкоэластичного, а это энергоносители, зерновые) негативно сказались на платежном балансе страны.

Подобная модель предполагает использование малоквалифицированной рабочей силы, тогда как Тунис, благодаря реформам первого президента страны Хабиба Бургибы в области просвещения, становился страной всеобщего, относительно качественного образования. Разрыв в структуре экономики и уровне образования привел к значительному росту безработицы, прежде всего, среди молодежи. Положение с занятостью усугубляло и то, что структура высшего образования, в которой преобладало гуманитарное направление, не соответствовала потребностям экономики. Автору довелось посетить г. Джандуба (45 тыс. жителей). В университете этого города училось свыше 14 тыс. студентов, из которых 9 тыс. – на гуманитарных факультетах (экономика, право, управление).

Всегда существовавшие диспропорции в уровне социально-экономического развития прибрежных и сахаро-сахельских регионов со временем увеличивались, поскольку основной массив предприятий находился в узкой полосе вдоль моря (около 80% обрабатывающих отраслей были расположены вдоль узкой, 20 км, прибрежной полосы). Помимо этого, и туризм, наиболее валютоемкая отрасль, также развивался в приморской зоне. В Тунисе сформировалась двухскоростная экономика: относительно быстроразвивающиеся приморские регионы и стагнирующая глубинка.

Существенно ухудшился инвестиционный климат, почти все сколько-нибудь значимые проекты не могли быть реализованы без согласования, содействия, или даже соучастия клана Бен Али-Трабелси. Как отмечает WikiLeaks, цитируя телеграммы посллов, «семья Бен Али получает все, что хочет – наличные деньги, услуги, землю, недвижимость, яхты. Помимо историй о теневых сделках первой семьи, отчет по Тунису сообщает о коррупции в полиции, таможне и ряде министерств. Экономические последствия ясны: тунисские инвесторы, боясь длинной руки «семьи», отказываются от новых инвестиций, что приводит к низкому темпу роста капиталовложений на внутреннем рынке и высокому уровню безработицы. Постоянные слухи о коррупции вкупе с растущей инфляцией и непрекращающейся безработицей усилили неудовлетворение

в отношении правительства Туниса и способствовали недавним акциям протеста на юго-западе Туниса. Самыми злостными виновными лицами считаются те, кто находится на вершине власти и, очевидно, останутся на своих постах, поскольку система никак не контролируется»¹.

По свидетельству того же WikiLeaks, половина бизнес-сообщества Туниса может быть связана с Бен Али через заключение браков, и многие родственники извлекли максимальную выгоду из этих семейных отношений². Все возрастающая, пронизывающая все слои общества коррупция, nepotизм, клановость стали общим местом при описании предреволюционного Туниса.

В Тунисе времен позднего Бен Али важную, а иногда и решающую, роль в управлении играла его жена Лейла Трабелси и ее десять братьев с их многочисленными семьями. Сам президент, будучи серьезно больным, все больше устранился от государственных дел, сосредоточившись на воспитании любимого младшего сына Мохамеда. Учитывая плохое состояние здоровья Бен Али, «семья» и окружение даже рассматривали вариант назначения Лейлы после смерти президента регентшей Карфагена³. После чего, должны были состояться досрочные президентские выборы с выдвижением и победой зятя главы государства, Сакра эль-Матери, которого бы она и окружение плотно контролировали. За любовь к деньгам, дорогим машинам и роскошным особнякам ее нередко называли Имельдой Маркос арабского мира; а за любовь к власти ее прозвали регентшей Карфагена.

В стране нарастало протестное движение. Кульминацией стало восстание горняков в Гафсе в 2008 году, которое было жестко подавлено властями. Однако проявляющееся недовольство социально-экономической ситуацией вылилось зимой 2010-2011 годов в массовое движение против режима Бен Али и получило поэтическое название «жасминовая революция», или более широко – «арабская весна».

Термин «арабская весна» впервые появился в публичном пространстве в феврале 2005 года. Именно этими словами президент США Джордж Буш-младший охарактеризовал первые выборы в Ираке и протесты в Ливане. Человеку вообще свойственно связывать с весной свои надежды на новое, лучшее. Так, в поэме Тита Лукреция Кара «О природе вещей», в гимне Венере, говорится, что ее (Венеры) появление знаменует зарождение весны, а весна – это пробуждение природы и сознания, возрождение после долгой зимы, надежда, но также и освобождение. Отсюда берет начало и «весна народов» (1848), и «будапештская весна» (1956), и «пражская весна» (1968). А еще была «берберская весна». Так была названа в Алжире первая публичная манифестация 20 апреля 1980 года с требованием берберизации Северной Африки. А также «черная

весна» 18 апреля 2001 года в том же Алжире. В этот день жандармами был ранен и через два дня умер 18-летний Массинисса Герма. Пришедшие на похороны жители требовали признания берберской идентичности, но были встречены огнем сил правопорядка. В результате погибло 126 человек.

Ее отправной точкой в Тунисе стало самосожжение 17 декабря 2010 года Мохамеда Буазизи, мелкого торговца фруктами и овощами из небольшого провинциального тунисского городка Сиди Бузид. Как дружно оповещали СМИ, в знак протеста против нищеты и произвола полиции. Но нужно отметить еще одно обстоятельство. Во время проверки разрешения на торговлю чиновница по имени Фаида Хамди ударила торговца по лицу, отобрала электронные весы, опрокинула лоток с фруктами. Другие очевидцы потом утверждали, что лоток действительно разорили и весы отобрали, но вот побоев не было. Об этом же заявила сама Хамди. Истину мы уже вряд ли узнаем. Как образно выразился известный французский философ М. Фуко, «миф смеется над правдой»⁴. Удар или его отсутствие важны потому, что семья Мохаммеда потом говорила: он пошел на отчаянный шаг из-за того, что был публично унижен. И не просто унижен, а унижен женщиной, что в сельском районе глубоко мусульманской страны, конечно, катастрофа.

Отметим, что самосожжение как форма протеста не является типичной для арабского мира. Более того, большинство мусульманских богословов полагают, что такая практика противоречит исламу. Так, муфтий Туниса Отман Баттих заявил, что самоубийство является преступлением против жизни, а покушающийся на свою жизнь не заслуживает молитв и даже не должен быть похоронен на мусульманском кладбище⁵. Последовавшие за ним акты самосожжения в Тунисе и других арабских странах не приводили к каким-либо существенным потрясениям в обществе. Иными словами, акт Буазизи стал той каплей, которая переполнила чашу терпения тунисцев: уровень бедности, безработицы, особенно молодежной, коррупции, региональные диспропорции достигли такой степени, что их решение виделось только на улице. Как написал в своем «Твиттере» 13 января 2011 года бывший генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) египтянин Мохамед эль-Барадеи: «Тунис: репрессии + социальная несправедливость + отсутствие каналов для мирного изменения системы = бомба замедленного действия»⁶.

Обращает на себя внимание и тот факт, что протестные движения начались в глубокой провинции, постепенно продвигаясь к центру. В столице массовые демонстрации начались лишь 12-13 января 2011 года. В отсутствие политических сил, которые возглавили бы это движе-

ние, его организатором, во многом стали социальные сети, в основном Фейсбук и Твиттер. Не обошлось без внешнего влияния, прежде всего арабских каналов Аль-Джазира и Аль-Арабия, которые тенденциозным освещением событий в странах, затронутых «арабской весной», в немалой степени способствовали радикализации протестного движения. 14 января 2011 года президент Туниса Зин эль-Абидин Бен Али под давлением массовых демонстраций покинул страну.

Отсутствие президента вызвало юридическую коллизию. Проблема возникла из-за трактовки выражения: «президент улетел, но вернется» и «президент улетел навсегда». В первом случае обязанности президента временно исполняет премьер-министр, что и было сделано уже вечером 14 января 2011 года, когда к присяге был приведен премьер-министр Мохаммед Ганнуши. Однако уже на следующий день решили, что президент свергнут и его обязанности должен принять на себя, в соответствии с действующей Конституцией, спикер парламента Фуад Мебазаа. Обратим на этот пункт особое внимание: **в соответствии с действующей Конституцией**. Последующие 10 лет показали весьма уважительное отношение тунисцев к своему Основному закону, даже с учетом его несовершенства.

Несмотря на мирный, в целом, характер протестов, не удалось избежать столкновений полиции и демонстрантов, в ходе которых погибло, по разным оценкам, от 66 до 219 человек. Разница заключается в том, что одни источники говорят только об убитых, другие – о жертвах, включая умерших от ран в госпиталях. Сюда же включено и 57 человек, сгоревших в результате пожара в тюрьме тунисского города Монастир. Понятно, что революционная волна подняла на верх и провокаторов, и просто грабителей. Достаточно сказать, что только из тюрьмы в г. Монастир сбежало около 50 человек. Были разгромлены многие полицейские участки, представительства правящей партии в регионах, разграблены супермаркеты, виллы ряда руководителей страны, прежде всего семейства Бен Али – Трабелси. На улицы крупных городов была выведена армия.

В то же время мародерство не затронуло большинство мелких лавок, предприятий общественного питания. Не были затронуты также объекты туристической инфраструктуры. В самый разгар событий в стране устойчиво работали все системы жизнеобеспечения: электро-, водо-, газоснабжение. И что самое удивительное, был доступен Интернет.

Отметим два любопытных обстоятельства. Способность тунисского общества к самоорганизации: для противодействия грабителям в городских кварталах стихийно организовывались местные отряды самообороны. По договоренности с властями участники таких народных дружин

одевались в белые рубашки, дабы барражирующие над городом вертолеты могли их отличать от бандитствующих групп.

И, конечно, подчеркнуто почтительное отношение абсолютного большинства населения к армии. Автору довелось видеть бронетранспортеры, стоящие на ключевых перекрестках, на капотах которых лежали цветы, принесенные местными жителями. Ими же было обеспечено бесперебойное снабжение солдат, стоящих в наряде, чаем, кофе, сладостями. При том, что все это делалось не по указанию, не по разнарядке, но вполне добровольно.

После революции в Тунисе оживилась общественно-политическая жизнь. Свобода слова, собраний способствовали повышению политической активности населения. Сегодня в стране действует 227 политических партий. И хотя во многих из них численность членов сопоставима с количеством посетителей одного кафе, и они мало отличаются друг от друга, рост политического самосознания налицо. Результатом политической активности стало сегодняшнее понимание несовершенства политической системы страны. Полупрезидентская, полупарламентская республика привели к известному двоевластию. В работе парламента по итогам выборов 2019 года участвовали 20 партий, при этом самая крупная фракция (исламистская партия Ан-Нахда) насчитывала 52 человека, что составляет менее четверти всего состава парламента (217 человек). Многочисленные согласования существенно замедляют принятие необходимых решений, что значительно ухудшает управляемость страной, особенно в кризисные периоды, в частности во время пандемии COVID-19. Достаточно сказать, что за 10 послереволюционных лет в Тунисе сменилось 10 правительств, 338 человек успело побывать министрами и государственными секретарями. В стране на все уровнях заговорили о желательности пересмотра Конституции 2014 года.

Заложником политической несогласованности становится экономика и социальная сфера, и без того находившиеся не в лучшем положении. Проблемы, лежавшие в первооснове протестного движения конца 2010 – начала 2011 годов, такие как бедность, массовая безработица, особенно среди молодежи и лиц с высшим образованием, региональные диспропорции, коррупция, не только не были решены, но и во многом усугубились. По данным Oxfam (международная организация, состоящая из двадцати независимых структур, работающая с местными институтами в почти 100 странах), 10% населения Туниса располагают более 40% национального дохода, в то время как половина тунисцев – только 18%⁷. Пандемия COVID-19 усложнила социально-экономическое положение страны. Уровень безработицы достиг 21,6% против средних показателей – около 16% за все послереволюционное десятилетие.

Углубление социально-экономического кризиса сегодняшнего Туниса связано не только с внутренними проблемами, но и с процессами, происходящими в мире. События «арабской весны», по аналогии с догоняющим развитием, можно назвать «догоняющим протестом», или как справедливо отметил Артемий Магун, директор Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, доктор политологии (Мичиганский университет) и доктор философии (Страсбургский университет), главный редактор журнала *Stasis*, борьбой за отжившие идеалы⁸. Пока арабские страны, и не только они, боролись за становление демократических форм правления, мир вступил в период глобальных трансформаций, выражающихся в том числе в кризисе отдельных демократических институтов.

Каждому поколению свойственно переоценивать особенности своего времени, но сегодня мы действительно переживаем исключительный период. На наших глазах происходят стремительные изменения. Исчезает понятие стабильности в привычном нам понимании. Преобразования касаются всех сфер человеческой жизни, идет ли речь о природной среде, науке и технике, политике, социально-экономических отношениях. По авторитетному мнению, вице-председателя Мирового энергетического совета Олега Бударгина: «...самый главный вызов – новый технологический цикл. Сейчас заканчиваются те технологии, к которым мы привыкли. Я много времени уделял инновациям в энергетике, активно общался с зарубежными партнерами, с нашей Академией наук, с инновационными фондами, и все в один голос говорят: “Сейчас рванет! Сейчас произойдет технологическая революция, которая совершенно изменит нашу жизнь”. По сути, новый технологический цикл уже начался с развитием мобильной связи, цифровых технологий, интернета; стираются границы между национальными экономиками»⁹.

Как отметила профессор СПбГУ, заведующая кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук, руководитель лаборатории когнитивных исследований, доктор филологических и биологических наук Т. Черниговская: «Мы попали вообще в другой мир. Он текучий, прозрачный, нестабильный, сверхбыстрый, гибридный. В нем рухнуло сразу все. Автономная жизнь цифрового мира идет полным ходом: интернет вещей, самоорганизация сетей. Цифровая реальность уже признак отбора в социум. Если представить себе некую страну, которая не может себе позволить войти в цифровой мир, можно считать, что ее вообще нет. Она не игрок. Люди могут там жить себе, корзиночки вязать, но они не участники общего дела»¹⁰.

Меняется и сам человек. Но эти перемены разноскоростные: быстрее всего происходят изменения в области науки и техники, являясь катализа-

тором экономического роста и социального прогресса. Со времен Ф. Бэкона считалось очевидным, что «никакая власть, никакое учение, никакая звезда не смогли бы произвести большее действие и как бы влияние на человеческие дела, чем... механические изобретения»¹¹. Сегодня это не кажется очевидным: высокий уровень развития науки и техники вполне сочетается и с демократическими США, и авторитарным Китаем.

Медленнее всего происходит трансформация человеческой психики. Выступая на Гайдаровском форуме, Т. Черниговская говорила о том, что цифровая реальность рождает «новый вид» человека. «Я называю это “хомо конфузус” или „человек в растерянности“. Этот “хомо конфузус” еще даже не понял, где он находится. Еще не осознал, в какую опасность мы уже попали»¹². И это не только научная проблема. В 2018 году в Театре Сатиры был поставлен спектакль «Где мы? ∞!...». И знак вопроса, и бесконечность, и многоточие подчеркивают, как важность предмета обсуждения, так и отсутствие ответа. Символичное совпадение мыслей представителей науки и искусства о нашем месте в меняющемся мире.

Ранее подобные изменения и вызванные ими проблемы протекали на протяжении достаточно длительного времени и человек, человечество в целом успевало адекватно реагировать и принимать необходимые решения для ответа наступившим вызовам. Сегодня же мы видим существенное и нарастающее отставание возможностей современного человека от созданных им за последние десятилетия информационно-коммуникационных и цифровых технологий¹³. За последние 20 лет в мире появилось огромное число совершенно новых рынков. Такие технологии, как облачные сервисы, складские роботы и смартфоны, преобразовали старые индустрии, сбросив целые бизнес-категории с парохода современности. Неослабевающий поток развивающихся инноваций – от коммерческих дронов и автономных грузовиков до виртуальной и дополненной реальности и растительных заменителей мяса – подсказывает нам, что формирование новых рынков продолжится и в обозримом будущем¹⁴. Эти изменения носят лавинообразный характер и затрагивают все области человеческой жизнедеятельности практически одновременно: резкое ухудшение среды обитания, научно-технические достижения, превращающие значительную часть человечества в лишних людей и, соответственно, обостряющие социально-экономические проблемы. Кризис демократических институтов усложняет их решение. Отсюда рост популизма, национализма, предлагающих быстрые решения на почве поиска врагов. Преувеличение национальных особенностей зачастую приводит к пренебрежению нормами международного права, разрушающе действует на всю систему международных отношений.

В немалой степени росту негативных тенденций в мировом развитии способствовал COVID-19. Власти ряда стран воспользовались чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения для ограничения потока информации, запрета массовых мероприятий, усиления репрессий, прежде всего по отношению к оппозиционным силам¹⁵.

Стюарт Патрик, старший научный сотрудник и директор международных учреждений и программы глобального управления в Совете по международным отношениям полагает, что «может возникнуть мир *ad hoc* или *à la carte*, поскольку универсальные, основанные на договорах организации уступили место гибким коалициям, которые объединяются на основе общих интересов, общих идентичностей или соответствующих возможностей. Такие гибкие «мини-боковые» структуры будут становиться все более привлекательными по мере роста глобальной турбулентности, блокирования формальных организаций и стремления великих держав сотрудничать в определенных сферах, конкурируя в других»¹⁶.

Разразившаяся пандемия COVID-19 лишь обострила весь негатив. Например, в 2020 году только мировая туристическая индустрия может потерять 197 млн рабочих мест и более 5 трлн долл. Для сравнения, в 2019 году в этом секторе работало 330 млн человек, или каждый десятый работник в мире, и было произведено 10,4 % мирового ВВП, или почти 9 трлн долл.¹⁷ Но проблема не только в прямых экономических потерях. Если раньше принятие решений можно было растянуть во времени, то сегодня запаса времени для этого нет. Как отмечают сотрудники Международной организации труда Ананд Чопра-Мак-Гоуэн и Сринивас Редди, «... в последние месяцы произошло также резкое усиление трех важнейших факторов – деглобализации, внедрения цифровых технологий и корпоративной консолидации. На быстрый сдвиг привычек потребителей в сторону онлайн-услуг компаниям пришлось быстро (в течение месяцев, а не лет) ответить планами «цифровой трансформации». Логично, что в одном популярном интернет-меме COVID-19 назван менеджером высшего звена, ответственным за цифровую трансформацию компании (вместо директора по цифровым технологиям или генерального директора)»¹⁸.

Классическая ситуация «идеального шторма». Естественно, что она характерна для всех стран, независимо от уровня развития. Но если развитые страны с устойчивой экономикой, работающими демократическими институтами испытывают известные трудности в решении назревших проблем, то для большинства стран с переходной экономикой, зависимым положением в системе международного разделения труда, непрочными политическими институтами задача становится трудно разрешимой.

Начало этого «шторма» можно отнести к концу 80-х – началу 90-х годов прошлого столетия, когда произошло падение Берлинской стены. Тогда казалось, что мир вышел на орбиту всеобщего благоденствия. Появилась даже теория «конца истории». Ее автор, Ф. Фукуяма, утверждал, что мы достигли «конца истории»: не то чтобы исторические события больше не происходят, но история, понимаемая как эволюция человеческих обществ через различные формы правления, достигла своей кульминации в современной либеральной демократии и рыночном капитализме¹⁹. Дальнейшее развитие событий показало несостоятельность этого утверждения, с чем согласился и сам Ф. Фукуяма. В 2002 году в журнале «Policy» он опубликовал статью под заголовком «Началась ли история опять?», в которой отметил, что «к сожалению, в историческом процессе не существует ничего неизбежного, и трудно добиться положительного результата при отсутствии соответствующего руководства, смелости и решимости сражаться за ценности, которые делают современные демократические общества возможными»²⁰.

Следующим этапом на пути к «идеальному шторму» можно считать события «арабской весны» конца 2010 – начала 2011 годов. Если в начале они и воспринимались как продолжение трансформаций по восточно-европейскому образцу, как движение к демократии, прогрессу, процветанию и даже подтверждение концепции Ф. Фукуямы о «конце истории», то затем тональность оценок стала меняться. Во-первых, протестные массовые движения перешли границы региона Северной Африки, затронули ближневосточные государства и шире – другие регионы мира. Это точное подтверждение оценки, ее суть – кризис происходил не только из одной-двух острейших проблем, а носил системный, и по своей глубине и масштабам беспрецедентный характер.

В различных районах мира зашаталась не только закосневшие жесткие, утратившие востребованную вызовами XXI века креативность, деспотичные режимы. Сама модель авторитарной власти, в каких бы обликах она не выступала, проявила свою опасную ограниченность, утрату, потерю прежнего потенциала к развитию и противодействию угрозам безопасности и устойчивому прогрессу, развитию. Цепляющиеся за власть режимы, авторитарные «лидеры» запустили пропагандистский маховик, опираясь на огромный административный, политтехнологический ресурс, и использовали объективные трудности, ими же созданные за десятилетия правления, с целью «перевести» стрелку с виновников кризиса на «улицу», «безответственные» СМИ и «внешние силы». Так родился тезис о том, что во всем виновата «весна» и ее авторы – молодежь, те же «внешние силы» и т.п.

Поэтому сложилась и заняла свое место среди широкого спектра оценок в обширном общественном дискурсе относительно беспрецедентных потрясений второго десятилетия XXI века и такая: сегодня «арабская весна» – это неуправляемая смута, хаос, негативные последствия которых ощущают на себе как страны Ближнего Востока и Северной Африки, так и мир в целом.

Но, может быть, самое главное, окончательно развеян миф о «конце истории». Первая волна завершилась становлением режимов разной степени демократичности в странах Восточной Европы и можно было говорить, с известной условностью, о победе либеральной демократии и рыночной экономики. С известной условностью, ибо реалии сегодняшнего дня, связанные с ростом авторитаризма в сочетании с популизмом, подрывают фундамент демократии как таковой. Итогом же «арабской весны» явились и возврат, по сути, и к прежним формам правления (Египет), и развал государственности (Ливия, Судан и не только), и непрекращающиеся конфликты (Сирия и Йемен). И лишь о Тунисе можно говорить, как о стране, в которой совершен демократический переход, хотя и не в полной мере. Нельзя забывать и о том, что до событий «арабской весны» в мире, в том числе в мусульманском, возникли и развиваются – одни относительно, другие вполне успешно – государства с иными, нежели авторитарные, моделями, системами властных отношений – в ряде стран Южной и Юго-Восточной Азии, Восточной Европы, Латинской Америки, Африки.

Нельзя не сказать и о косвенном влиянии «арабской весны». Толчком к реформам в Алжире, Иордании, Марокко, других странах, несмотря на различия в формах, масштабах и методах их проведения, во многом, или даже прежде всего, стали протестные движения в странах «арабской весны». Предвидя возможные последствия в Саудовской Аравии, было принято решение улучшить социально-экономическое положение в стране: саудовский монарх определил в качестве приоритета борьбу с безработицей среди молодежи (в Саудовской Аравии 39% молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет являлись безработными). После падения Хосни Мубарака и Зин аль-Абидин бен Али король Абдалла ибн Абдель Азиз аль-Сауд объявил решение о выделении 35 млрд долл. для финансирования социальных программ²¹.

И хотя требования по реформированию гражданского общества могут быть сдержанны в краткосрочной перспективе, но в дальнейшем статус-кво вряд ли окажется устойчивым. Это также касается контроля и подавления крайних форм протеста шиитов, особенно в регионе Кати́ф (восточная провинция Саудовской Аравии). И, наконец, необходимо провести хотя бы ограниченные политические реформы, включая ад-

министративные, например муниципальных выборов, чтобы несколько сгладить негативную критику в части мирового общественного мнения относительно автократического и отчасти радикального религиозного измерения идеологии династии Аль-Саудов. Существует риск распространения «арабской весны» на низы населения Саудовской Аравии из-за увеличивающегося разрыва между ними и правящей династией. Здесь также социальные сети могут способствовать выражению недовольства в публичном пространстве: в Саудовской Аравии уровень использования Интернета выше, чем в Иране или Египте.

Оценке этих событий были посвящены многочисленные монографии, статьи (только в социальной сети academia.edu в 2011-2012 годах опубликовано более 4000 текстов)²². Первоначальная реакция на произошедшее дала живую картину происходящего. Это были важные свидетельства эпохи, со всеми поворотами, изгибами, подъемами и падениями, которые крайне сложно уложить в цельную, непротиворечивую картину событий. Примечательны в этом отношении письма, статьи, дневники современников 1917 г. в России²³. Высказывания, суждения позволяют почувствовать атмосферу тех дней, но не дают возможности выявить траекторию будущего развития. Как справедливо отметил Л. Фитунни, подробно рассмотрев истоки «арабской весны», справедливость многих трактовок может быть подтверждена только временем²⁴.

Крайне трудно осознать тенденцию, «находясь внутри ее». Простая экстраполяция тех или иных событий на будущее чревата ошибками. Как пишет американский математик Дж. Элленберг, «...в этом нет нашей вины. Десятилетия исследований сферы когнитивной психологии доказывают: человеческий мозг с трудом улавливает нелинейные соотношения величин. Наш разум склонен видеть простые зависимости..., однако наш мир полон нелинейных зависимостей и их важно быстро распознать»²⁵. Нужно отойти на некоторое расстояние, чтобы увидеть проявление тенденции во всей ее полноте. Отсеять мелкое, случайное, привходящее. Выявить главное, что и необходимо подвергнуть самому тщательному анализу. Набрать максимальную совокупность достоверных фактов, которые будут описывать явление во всем многообразии. Недостаточное количество фактуры, а еще хуже ее сортировка, процеживание не просто снижают качество научной работы, но превращают ее в некотором роде в пропагандистский материал. Как писал Т. Гоббс, одобрение читателя «определяется не славой автора, не новизной мысли, не красотой слога, но надежностью основания»²⁶.

В целом, научный анализ в известной мере расставил необходимые акценты в оценке событий «арабской весны», но многие вопросы остались за кадром, либо освещены не в полной мере. В частности, почему

события начались именно в Тунисе и Египте, уровень социально-экономического развития которых был существенно выше большинства стран Арабского Востока? Ссылка на «недостаточно сильную (жесткую) автократию в Тунисе и Египте по сравнению, скажем, с монархиями Аравийского полуострова»²⁷ не вполне убедительна. Есть немало стран, где у власти недостаточно жесткие автократические режимы (например, Марокко, Алжир, Иордания), однако здесь события не приобрели столь острый характер. Безработица, особенно молодежная, коррупция, nepotизм, региональные диспропорции? Но эти беды присутствуют в абсолютном большинстве развивающихся стран. Почему при похожих исходных причинах народных волнений их итоги (Тунис, Египет) отличаются самым существенным образом?²⁸ Почему Тунис оказался единственной страной, где демократический транзит состоялся? Каковы особенности этого государства предопределившие таков исход? Почему, несмотря на относительно мирный переход, Тунис оказался едва ли не основным поставщиком джихадистов во всевозможные террористические организации? Почему мы говорим о неустойчивости демократического транзита и какова роль экономики и политики, их соотношение в обеспечении успешного перехода к демократическим формам правления?

В связи с этим полагаем необходимым уточнить, к какой демократии совершен транзит. Ибо демократия как форма государственно-политического устройства не есть нечто статическое, раз и навсегда определенное состояние общества, ее функции в различные исторические периоды и в разных странах изменялись, обогащались, углублялись. Ситуация усложняется тем, что события «арабской весны» совпали с периодом высокой турбулентности в мире, выражающейся в том числе в кризисе демократических институтов. Это в очередной раз заставляет нас задуматься над одной общей истиной: ни одно человеческое действие или убеждение не сохраняет своей истинности навсегда, во веки веков. Каждый поворот истории требует конкретных, приспособленных к данной ситуации действий.

Заявления ряда политиков как светского, так и религиозного толка о возможности создания по аналогии с христианско-демократическими партиями Запада исламско-демократических партий требуют внимательного рассмотрения соотношения, взаимосвязи ислама и демократии.

Важным является уточнение способов демократического перехода. Многообразие политических режимов в современной теории государства сводится к двум основным типам: демократический и антидемократический (тоталитарный) и их многочисленным модификациям. Вопросы их становления, перехода из одной формы в другую всегда привлека-

ли пристальное внимание специалистов. События «арабской весны» называют и революцией, и государственным переворотом, и заговором элит. До сих пор имеют хождение конспирологические теории заговоров, рассматривающие внешнее вмешательство в качестве основного двигателя «арабской весны».

К этому можно добавить и так называемые «демократии по ошибке». Как демократия возникает из авторитарного правления? Американский политолог Дэниел Трейсман, изучив историю всех демократизаций с 1800 года, показал, что сознательным выбором можно объяснить до трети случаев. Примерно в двух третях случаев демократизация произошла не потому, что нынешние элиты выбрали ее, а потому, что, пытаясь предотвратить ее, они совершили ошибки, ослабившие их власть. К распространенным ошибкам относятся: игнорирование народных волнений, инициирование ограниченных реформ, которые выходят из-под контроля, и выбор тайного демократа (covert democrat) в качестве лидера. Эти ошибки отражают хорошо известные когнитивные предубеждения, такие как самоуверенность и иллюзия контроля²⁹. Если наложить эти критерии на события в Тунисе, то, кажется, страна явно входит в группу случаев, где демократизация случилась во многом по ошибке власть предержащих.

Массированные информационные потоки оказали существенное влияние как на функционирование демократических институтов, так и на способы смены одних режимов другими. Социальные сети резко повышают возможности прямой демократии. Без Аль-Джазиры и Аль-Арабии, Facebook и Twitter трудно представить, как зарождалось «арабской весны», так и ее течение. При этом нужно иметь в виду, как увеличение информационной составляющей в целом, так и ее фейковой части. Современная цифровая эпоха прочно связана с понятиями постправды, инфодемии и fake news, с манипулированием общественным мнением и, соответственно, влиянием на волеизъявление избирателей.

В подготовке этой книги приняли заинтересованное, доброжелательное участия мои коллеги из Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН. Особая благодарность А.М. Васильеву, чей точный язык заставлял еще раз и еще раз подумать, перед тем, как выразить ту или иную мысль, И.О. Абрамовой, чья любознательность, любопытство, неподдельный интерес к новому, неизвестному, несмотря на высокий пост и административные заботы, не забывая, что Ирина Олеговна еще и научный работник, побуждали к поиску все новых и новых обоснований, подтверждений написанного, А.А. Ткаченко, научная скрупулезность которого служила стимулом к совершенствованию, облагораживанию, улучшению текста. Вне стен Института

хотелось бы отметить моего болгарского друга Станку Шопову – ее политическая оценка «арабской весны» противоположна позиции автора, но наши дискуссии позволяли находить более точные оценки этого события.

¹ <https://modern-descript.livejournal.com/686173.html>

² Там же.

³ *Catherine Graciet, Nicolas Beau. La régente de Carthage. Main basse sur la Tunisie.* Edition La Découverte, Paris, 2009. P.14-15.

⁴ <https://www.leaders.com.tn/article/31092-hamadi-redissi-bouazizi-le-martyr-et-la-victime-emissaire>

⁵ <https://www.leaders.com.tn/article/31092-hamadi-redissi-bouazizi-le-martyr-et-la-victime-emissaire>

⁶ *Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. С.10.

⁷ <https://www.realites.com.tn/2020/06/oxfam-10-des-riches-en-tunisie-detiennent-pres-de-la-moitie-du-revenu-national/>

⁸ *Магун Артемий.* Борьба за отжившие идеалы. Уличные протесты как язык современной демократии. «Огонёк», 31.08.2020, № 34. С. 8.

⁹ <https://expert.ru/expert/2017/42/novyyij-tehnologicheskij-tsikl-vazh-nee-sanktsij/>

¹⁰ <https://fit4brain.com/11040>

¹¹ *Бэкон Ф.* Сочинения. В 2-х т. / Сост., общая ред. и вступ. ст. А.Л. Сувботина. Т. 2. М.: Мысль, 1972. С. 78.

¹² <https://fit4brain.com/11040>

¹³ <https://www.yavlinsky.ru/article/informatsionnaya-ohlokratiya/>

¹⁴ <https://hbr-russia.ru/innovatsii/startapy/832960>.

¹⁵ <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29028/in-algeria-protests-pause-for-covid-19-as-the-regime-steps-up-repression>

¹⁶ <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27192/the-liberal-world-order-is-dying-what-comes-next?>

¹⁷ *Jennie Germann Molz.* Will COVID-19 Bring an End to Overtourism? <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28947/will-covid-19-bring-an-end-to-overtourism>

¹⁸ *Ананд Чопра-Мак-Гоуэн, Сринивас Редди.* Кризис только начинается: как переобучить тех, кто останется без работы. <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/ekonomika/834985>

¹⁹ *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: «Ермак», 2004. 588 с.

²⁰ <http://old.russ.ru/politics/20021112-fuku.html>

²¹ *Djalili Mohammad-Reza et Therme Clément.* “Iraniens et Saoudiens à l’épreuve des révoltes arabes”, *Politique étrangère*, 2012/1 Printemps, p. 112. DOI:10.3917/pe.121.0111

²² https://www.academia.edu/3747873/Bibliographie_exhaustive_Printemps_arabe; https://www.academia.edu/3406141/Bibliographie_Printemps_arabe

²³ *Революция глазами современников* М.: АСТ, 2017. 480 с.; ил. (Письма и дневники).

²⁴ *Фитуни Л.* «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012, № 1, С. 7.

²⁵ *Джордан Элленберг.* Как не ошибаться. Сила математического мышления. Москва: Издательство Манн, Иванов, Фербер, 2017. С.18.

²⁶ <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000612/st000.shtml> (дата обращения 25.03.2018)

²⁷ *Фитуни Л.* Указ. соч. С. 5.

²⁸ *Кофанов И.* Тунис: от авторитаризма к демократии? // *Азия и Африка сегодня*. 2015, № 12, С. 39-44

²⁹ www.nber.org/papers/w23944.pdf